

Максим Горький

Счастье

Максим Алексеевич Горький

Счастье

Счастье: 1915

Аннотация

«...Однажды счастье было так близко ко мне, что я едва не попал в его мягкие лапы.

Это случилось на прогулке; большая компания молодёжи собралась знойной летней ночью в лугах, за Волгой, у ловцов стерляди. Ели уху, приготовленную рыбаками, пили водку и пиво, сидя вокруг костра; спорили о том, как скорее и получше перестроить мир, потом, устав телесно и духовно, разбрелись по скошенному лугу, кто куда хотел...»

Максим Горький

Счастье

«...Однажды счастье было так близко ко мне, что я едва не попал в его мягкие лапы.

Это случилось на прогулке; большая компания молодёжи собралась знойной летней ночью в лугах, за Волгой, у ловцов стерляди. Ели уху, приготовленную рыбаками, пили водку и пиво, сидя вокруг костра; спорили о том, как скорее и получше перестроить мир, потом, устав телесно и духовно, разбрелись по скошенному лугу, кто куда хотел.

Я отошёл прочь от костра с девушкой, которая казалась мне умной и чуткой. У неё были хорошие, тёмные глаза, в её речах всегда звучала простая, понятная правда. Эта девушка смотрела на всех людей ласково.

Мы шли тихонько, бок о бок; под ногами у нас скрипели, ломаясь, срезанные косою стебли травы, из хрустальной чаши неба, опрокинутой над землёю, изливалась хмельная влага лунного света.

Глубоко вздыхая, девушка говорила:

– Как хорошо! Точно африканская пустыня, а стога – пирамиды. И жарко...

Потом она предложила сесть под стог сена, в круглую тень, густую, как днём. Звенели кузнечики, вдали кто-то заунывно спрашивал:

Эх, зачем ты изменила мне?

Я стал горячо рассказывать девушке о жизни, знакомой мне, о том, чего я не понимал, но – вдруг она, тихонько вскрикнув, опрокинулась на спину.

Это был, кажется, первый обморок, который я видел, и на минуту я растерялся, хотел кричать, звать на помощь, но тотчас вспомнил, что делают в таких случаях благовоспитанные герои романов, знакомых мне, – разорвал пояс её юбки, кофточку, тесёмки лифа.

Когда я увидел груди её, точно две маленькие чаши из серебра, полные сгущённого света луны и опрокинутые в сердце её, – мне жадно, до огненного удара в голову, захотелось поцеловать её. Но, сломив это желание, я стремглав бросился к реке за водою, ибо – по писанию – герои всегда, в подобных случаях, убежали за водой, если только на месте катастрофы не было ручья, заранее приготовленного догадливым автором романа.

А когда я вернулся, прыгая по лугу, точно бешеный конь, со шляпой, полной воды, – больная стояла прислонясь к стогу, в полном порядке, исправив все разрушения туалета, совершённые мною.

– Не надо, – сказала она утомлённо и тихо, отводя рукою мокрую шляпу мою...

И пошла прочь от меня на огонь костра, где два студента

и статистик завывали всё ту же надоевшую песню:

Ах, зачем ты изменила мне?

– Я не сделал вам больно? – осведомился я, – смущённый молчанием девушки.

Она кратко ответила:

– Нет. Вы – не очень ловкий. Всё-таки я – разумеется – благодарю вас...

Мне показалось, что она не искренно благодарит.

Я не часто встречал её, но, после этого случая, встречи наши стали ещё реже, – вскоре она и совсем исчезла из города, а уже спустя года четыре я увидел её на пароходе.

Она ехала из приволжской деревни, где жила на даче, в город к мужу, была беременна, хорошо и удобно одета, – на шее у неё длинная золотая цепь часов и большая брошь, точно орден. Она очень похорошела, пополнела и была похожа на бурдюк густого кавказского вина, которое весёлые грузины продают на жарких площадях Тифлиса.

– Вот, – сказала она, когда мы дружески разговорились, вспоминая прошлое, – вот я и замужем, и всё...

Был вечер, на реке блестело отражение зари; пенный след парохода уплывал в синюю даль севера широкой полосой красного кружева.

– У меня уже есть двое ребят, жду третьего, – говорила

она гордым тоном мастера, который любит своё дело.

На коленях её лежали апельсины в жёлтом бумажном мешке.

– А – сказать вам? – спросила она, ласково улыбаясь тёмными глазами. – Если б тогда, у стога, – помните, – вы были... смелее... ну – поцеловали бы меня... была бы я вашей женой... Ведь я – нравилась вам? Чудак, помчался за водой... Эх вы!

Я рассказал ей, что вёл себя, как показано в книгах, и что – по писанию, священному для меня в ту пору, – нужно сначала угостить девицу в обмороке водою, а целовать её можно только после того, когда она, открыв глаза, воскликнет:

– Ах, – где я?

Она немножко посмеялась, а потом задумчиво сказала:

– Вот в том-то и беда наша, что мы всё хотим жить по писанию... Жизнь – шире, умнее книг, сударь мой... жизнь вовсе не похожа на книги... Да...

Достав из мешка оранжевый плод, она внимательно осмотрела его и сморщилась, говоря:

– Негодяй, подложил-таки гнилой...

Неумелым жестом она бросила апельсин за борт, – я видел, как он закружился, исчезая в красной пене.

– Ну, а теперь – как? Всё ещё живёте по писанию, а?

Я промолчал, глядя на песок берега, окрашенный пламенем заката, и дальше – в пустоту рыжевато-золотых лугов.

Опрокинутые лодки валялись на песке, как большие мёрт-

вые рыбы. На золоте песка лежали тени печальных ветел. В дали лугов стоят холмами стога сена, и мне вспомнилось её сравнение:

„Точно африканская пустыня, а стога – пирамиды...“

Очищая другой апельсин, женщина повторила тоном старшей и как бы наказывая меня:

– Да, была бы я вашей женой...

– Благодарю вас, – сказал я, – благодарю.

Я благодарил её – искренно».